

УДК 338.242

Муштурк О.З., к. и. н., профессор

ОТНОШЕНИЕ К ТРУДУ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВУ В СТРУКТУРЕ МОТИВАЦИОННО-ДЕЯТЕЛЬНЫХ УСТАНОВОК РОССИЯН

Анализируя национальное своеобразие отношения россиян к труду и предпринимательству, как западные, так и отечественные исследователи в качестве наиболее выпуклых черт чаще других указывают на недостаток предприимчивости, неразвитость установки на трудовую активность как источник личного благополучия и процветания.

«У нас низкий уровень желания стать предпринимателем, желания рисковать, не полагаться на кого-то... Мы все время плачемся о малом и среднем бизнесе. Но приезжает китаец или кореец и спокойно заводит у нас малый и средний бизнес — кто арбузы выращивает, кто морковкой торгует, и все у них в порядке. Так что речь идет об определенных дефектах менталитета».
(Ярослав Кузьминов – ректор ВШЭ)

I.

Когда говорят о менталитете, то имеют в виду исторически сложившиеся, стабильные и органические, как экологическая структура (природная географическая среда), глубинные пласты национального самосознания и психики, образы мысли и действия людей, играющие в каждом народе своеобразную роль «консерванта» его национальной самобытности и аутентичности, образующие некий незыблемый фундамент присутствующего ему своеобразия индивидуального и массового мировосприятия, мироощущения, мировоззрения и, конечно, поведения. Корневую систему общественно-го духа и бытия, пересадить которую на

иную почву или кардинальным образом изменить нельзя.

В самых общих чертах процесс взаимодействия менталитета и проводимых политических режимом преобразований может быть уподоблен системе «внешняя сила — пружина». Сжиматься пружина может достаточно медленно или быстро в зависимости от методов, применяемых властью, но после прекращения воздействия возвращается в исходное положение практически мгновенно. Хотя и возможны некоторые остаточные деформации, которые тем существеннее, чем длительнее и жестче осуществлялось воздействие.

Решающее значение в этом плане имеют те конкретные условия, в которых происходит взаимодействие менталитета и внешнего давления. Одно дело — условия

эволюции, т. е. естественноисторического поступательного развития, когда новое зарождается в недрах старого и, постепенно отрицая его, тем не менее всегда несет на себе его глубокий отпечаток. И совершенно другое дело — условия революции, когда новое внедряется в жизнь насильственно, посредством уничтожения возвращенного эволюцией старого.

В первом случае (т. е. в условиях эволюционного развития) рынок и рыночная политическая демократия как бы выводятся (вырастают) из менталитета нации, что придает им свой особый национальный колорит. В этих условиях рынок и менталитет сосуществуют если и не в полной гармонии и согласии друг с другом, то, по меньшей мере, толерантно, на принципах взаимной терпимости и «мирного сожительства»

Во втором случае (т. е. в условиях революции) ситуация складывается совершенно по-другому. Здесь рынок по отношению к национальному менталитету выступает «чужеродным телом» — своего рода «имплантантом», который путем «открытого хирургического вмешательства» (по приказу сверху) пытаются вживить в общественный организм. В этой ситуации менталитет чаще всего начинает играть роль механизма отторжения. И, как результат, эффект от «операции» нередко оказывается не таким, каким ожидался.

Именно по этому второму сценарию развиваются события в современной России. Ибо рынок с его приматом индивидуалистических ценностей, неотчуждаемых прав и свобод личности, с его сакрализацией (обожествлением) частной собственности и богатства, органически присущим воинствующим прагматизмом и коммерциализацией всей системы общественных отношений, вплоть до частной семейной жизни, представляет собой не продукт «русского духа» и русского бытия. Это плоть от плоти порождение другой, если и не прямо противоположной, то, по меньшей мере, во многом отличной от восточ-

ной и «евразийской», евро-американской цивилизации.

И преимущественно в этой ментальной плоскости — в несоответствии (в несовпадении) традиционной системы базовых житейских ценностей и ориентаций россиян, сформированным в значительной степени русской православной культурой, сложившимся в рамках протестантизма жизненным евро-американским стандартам, следует искать если не все, то многие причины-детерминанты того, почему у нас получается не так, как у них. И импортируемые с Запада рыночные схемы и конструкции, лишенные в условиях России ментальной идентичности, или не работают вообще, или же работают, но с такими дефектами и вывертами, что «импортеры» хватаются за голову.

Сказанное, конечно же, не означает, что российские ментальные ценности и ориентации менее продуктивны, чем евро-американские. Весь вопрос в том, что наши «архитекторы-проектировщики» и «прорабы-строители» рынка их вообще не учитывали. Не зная общества, в котором народ жил в условиях СССР (да и задолго до него), они предполагали, что массовые реакции россиян на рынок будут такими же, как и у американцев или немцев, которые этот рынок породили и живут в нем уже не одно столетие. Как бы не так. Хотя человеческая природа на уровне исходных психофизиологических инстинктов и рефлексов у всех действительно одинаковая, ее содержательное (социальное) наполнение, характер и формы проявления у всех разные.

Эту «разность» обуславливает решающий для жизнедеятельности любого народа фактор, а именно: его самобытная природная (географическая) и социокультурная среда. Повсеместно люди суть «заложники» этой среды, ее результирующие продукты. И ориентационно-ценностная (мотивационно-деятельная) оснастка любого народа, формировавшаяся веками под влиянием огромного множества разнонаправленных факторов, представляет

собой структуру очень органичную и устойчивую. Причем настолько устойчивую, что изменить ее (сколько-нибудь кардинальным образом) не дано даже самому долговечному политическому режиму.

II.

Данная максима в полной мере применима и к анализу национального своеобразия отношения людей к труду и предпринимательству. В том числе к трудовой ментальности россиян, в которой исследователи (как западные, так и отечественные) в качестве наиболее выпуклых черт чаще других указывают на **недостаток предприимчивости, неразвитость установок на трудовую активность как источник личного благополучия и процветания**. В России-де привыкли рассчитывать не на себя, не на собственный упорный и напряженный труд («работа, как известно, только дураков любит»), а на «емелькино счастье и щучье (в смысле государственно-государьево) веление».

Великий русский ученый Д.И. Менделеев, много и серьезно занимавшийся проблемами промышленного развития России, в этой связи писал: «Существенной причиной малого развития у нас промышленности должно считать отсутствие личной предприимчивости, определенной преимущественно тем, что русские люди привыкли все получать готовенькое, так сказать, в виде подарка от кого бы то ни было сверху или снизу, и если манна небесна сама собой не валит с неба, то наша образованность привыкла обвинять кого-либо или сверху, или снизу, а сама ничего не предпринимает, если это сопряжено с необходимостью личного труда, риска и упорства, как это и нужно для дел промышленности»¹.

В таком же ключе высказывался и российский историк В.О. Ключевский: «В других обществах всякий живет, работая и частью проживая, частью наживая; в русском одни только наживаются, другие проживают, и никто не живет и не работает»².

Не на этой ли ментальной основе «ничего неделания» и ожидания «манны небесной» в первой половине 90-х годов прошлого века в России пыльным цветом расцвели финансовые пирамиды (типа печально известного АО «МММ»), в одночасье превратив громадную массу россиян (причем не только представителей «низов», но и «верхов») в Лень Голубковых, «халявщиков», вознамерившихся уснуть «ничем», а проснуться «всем».

Но значит ли это, что «русский мужик», как выразился когда-то В.И. Ленин, действительно, «плохой работник»? И лень, бездеятельность, неорганизованность и безалаберность входят в качестве неизменной составляющей в его человеческую природу и психику, т.е. обусловлены генетически?

Ответ на это вопрос может быть только один — однозначно отрицательный. Как справедливо пишет Валентин Распутин, ведь именно этот якобы не умеющий работать «русский человек «сработал» огромную державу в шестую часть суши. В XIX веке создал не последнюю культуру, в XX — не последнюю в мире науку. Потерял во вторую мировую войну лучших работников, в считанные годы восстановил разрушенное хозяйство»³.

И если русскому человеку, говоря словами А.С. Пушкина, «труд упорный тошен», то только потому, что этот труд никогда не был свободным. Такое восприятие — ни что иное, как результат многовекового экономического рабства, которое не только не исчезло в ходе «социалистического строи-

¹ Цит. по: Блинов А.О. Малое предпринимательство. Организационные и правовые основы деятельности. — 2-е изд. — М.: Ось-89, 1998. С. 12.

² Ключевский В.О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. — М.: Мысль, 1993. С. 183.

³ Аргументы и факты. 1998. №42.

тельства», а наоборот, стало еще «круче». Человек был превращен в некий отвлеченный трудовой ресурс, полностью отчужденный как от средств производства (под видом обобществления произошла их фактическая экспроприация партийно-государственным аппаратом), так и от результатов своего собственного труда (под лозунгом Октября «Кто не работает, тот не ест», этот труд принял форму почти дармовой для государства трудовой повинности).

Нельзя в этой связи не согласиться с Св. Федоровым, утверждавшим со знанием дела, что «человек, который не связан с прибылью — экономический раб. Такой человек не может работать на уровне высоких технологий, у него нет внутренних стимулов, лишь страх наказания или голода»⁴.

И вот этого-то «экономического раба», которого десятилетиями приучали не активничать, не проявлять инициативы, не любопытствовать («родное» государство, что нужно даст, что нужно — скажет, что нужно — потребует) — в одночасье, что называется с головой, окунули в «дикий капитализм». Лишенный опеки и не подготовленный к нему как психологически, так и профессионально он в результате не может адаптироваться к новым, непривычным для него условиям. А посему по инерции продолжает пребывать в ипостаси «иждивенца» на шее у государства и уповать не столько на себя, сколько на милость властей, которые, в его представлении, призваны «кормить и одевать народ», спасать как все общество, так и его самого.

Если попытаться определить место этого «экономического раба» в предложенной на страницах журнала «ПОЛИС» отечественным социологом Г.Г. Дилигенским типологии россиян по критерию различий в их реакциях на рынок, то он представляет собой наиболее массовый тип тех из них, чья реакция характеризуется такой традиционной для русской ментальности психо-

логической установкой, как терпимость и «подспудное ожидание чуда». С этой установкой в качестве доминантного для него состояния связано «состояние тревожности, нередко безнадёжности или смутной надежды на какие-то «объективные» положительные изменения в будущем, а также выраженная ностальгия по прошлому, глубоко укоренившийся государственно-патерналистский синдром и чувство социальной беспомощности»⁵.

Тот факт, что труд на Руси всегда был не работой на себя, а подневольным трудом, в решающей степени объясняет то, как выживают наши люди, столкнувшиеся с бедностью. По данным опроса Института социологии РАН, самый распространенный способ — это экономия на всем, на чем только можно: на одежде и обуви (69%), питании (57%), отпуске (55%) и т.д. Только 22% поменяли работу, и только 10% нашли приработок. Но самое любопытное, что в выигрыше отказались именно те, кто изменил свое служебное положение. На вопрос: помогла ли им их новая активная стратегия, они обычно отвечают: да, а вот для экономных граждан их подход оказался не слишком продуктивным. Однако, несмотря на низкую эффективность, эти пассивные стратегии выживания продолжают преобладать⁶.

III.

Недостаток предприимчивости напрямую связан и с такой чертой нашего менталитета, как **слабое развитие индивидуалистической практически-поведенческой психологической ориентации**, которая, как известно, лежит в основании всей евро-американской цивилизации. В сво-

⁴ Бизнес и политика. 1976. №5. С. 12.

⁵ Дилигенский Г.Г. Индивидуализм старый и новый. (Личность в постсоветском социуме). //ПОЛИС. 1999. №3. С. 37.

⁶ См.: Известия. 2003. 10 апреля.

их «Воспоминаниях» граф С.Ю. Витте писал по этому поводу: «Одна и может быть, главная причина нашей революции — это запаздывание в развитии принципа индивидуальности, а, следовательно, и сознания собственности и потребности гражданственности, а в том числе и гражданской свободы. Всему этому не давали развиваться естественно»⁷.

То, что нашему сознанию в целом чужд индивидуализм, и вместо самостоятельного (построенного на личной ответственности и риске) «плавания в бурном море житейской стихии» мы отдаем предпочтение жизни в «тепле коллектива», также объясняется исторически. Это ни что иное, как результат трехвекового татаро-монгольского ига и занявшего в истории России почти такие же временные рамки жесточайшего в мире крепостного права, когда выделиться, зажить лучше можно было или прислужничеством, или нечестным промыслом.

Того, что позади у нас община и колхозы, артели и бригады, где шел, в сущности, уравнилительный подушный расчет по принципу «каждой сестре — по серьге», и наше чувство социальной справедливости веками утверждалось общим благом, вопросы землепользования и землеустройства решались сообща, всем миром.

Очевидно, что эта многовековая привычка жить и выживать не каждый сам по себе, а всем миром, обуславливает доминанту в нашем сознании и поведении не индивидуалистической, а сугубо коллективистской психологии, в рамках которой личностное начало (и связанные с ним такие черты личности, как инициативность, предприимчивость, ответственность) подавляется. Живя в коллективе, человек приучается к тому, чтобы не выделяться и не высовываться, не забегать вперед, а быть как все. Если же он нарушает это неписаное правило, начинает «умничать»

и «гнуть свою линию», то коллектив его просто-напросто отторгает, навешивая ярлык индивидуалиста и ставя крест на его карьере.

Скажем, почему сегодня в России так плохо продвигается то же фермерство? Наверное, не только потому, что отсутствует продуманная система государственной поддержки этого института. Но в значительной степени и потому, что фермер в глазах односельчан — это «выскочка», «кулак», которого надо поставить на место. А для этого — все средства хороши, в том числе и криминально-«луддистские». Вот потому-то «деревенские люмпены» и портят фермеру машины и оборудование, травят его посевами и скот, поджигают хозяйственные постройки и т.д. И, несмотря на то, что сегодня в массовое сознание активно внедряется эгоцентрическая установка на жизнь по принципу: «Каждый за себя, один Господь Бог за всех», мы тем не менее постоянно слышим фразу: «А тебе, что больше всех надо?».

Сказанное, конечно, не означает, что индивидуализм, как практически-поведенческая ориентация, в нашей стране отсутствовал вообще. Он существовал и до революции, и в годы социализма, будучи обуславливаемым уже хотя бы тем, что, в отличие от общественной жизни, которая знала только предписываемые «партией-государством» формы, у советских граждан все же было право на личную собственность (имущество) и частную семейную жизнь. Жизнь — не при «настежь открытых», а при «закрытых» дверях снимаемых у государства квартир.

В то же время это был не индивидуализм в его либеральном толковании и смысле, т.е. не как право личности на самореализацию в условиях гарантируемой государством и равной для всех свободы. Это был, говоря словами, того же Г.Г. Дилигенского, «адаптационный индивидуализм», в рамках которого человек, преследуя свои цели, приспосабливается к пра-

⁷ Витте С.Ю. Воспомятая. Царствование Николая II. Т. I. 1992. Берлин. С. 441.

вилам игры системы или изобретательно обходит их, но при этом неизменно демонстрирует свою преданность этим правилам, маскируя тем самым свое подлинное субъективное «я».

Представляется, что правильнее было бы назвать этот индивидуализм «адаптационным персонализмом», базирующимся, с одной стороны, на таком из древнейших человеческих инстинктов, как стремлении к самосохранению, с другой — на атомизации общества посредством предельно концентрированного страха перед тоталитарной властью. В условиях, когда лояльность по отношению к «партии-государству» была возведена в ранг основного критерия оценки личности, а доношительство на «нелояльных» (соседа, коллеги по работе и т.д.) — в ранг государственной добродетели, тотально зависимые от власти граждане не могли не превращаться в недоверчивых по отношению друг к другу одиночек. В «двуликих Янусов», которые на работе и на публике были как все, т.е. такими, какими требовала система, а вне сферы общественного контроля — сами собой.

Что касается постсоциалистического индивидуализма, развивающегося в рамках рыночных реформ и института частной собственности, то для одних (старших поколений) он принимает форму «боязливости», пассивно адаптационного индивидуализма, и поведение людей в его рамках сродни поведению «прирученных зверей», которых всю жизнь продержали в клетке и внезапно выпустили на свободу. Для других (младших поколений), не знавших этой жизни в клетке, а если и познавших ее, но не в таких объемах, в которых разрушаются частнособственнические ориентиры и инстинкты, этот индивидуализм принимает очень часто формы агрессивного поведения по принципу: «съешь ближнего, ибо ближний съест тебя», т.е. этот индивидуализм асоциален.

IV.

В качестве еще одного фактора, сказывающегося на предприимчивости и трудовой активности россиян, выступают привитый многовековой привычкой к кризисному бытию **невысокий уровень личных притязаний в потребительской сфере, своего рода «потребительский аскетизм»** и жизнь по принципу «лишь бы войны не было», «не до жиру, быть бы живу». Философия, согласно которой богатство и деньги — это высшая ценность, мировой эквивалент всему и вся, социальными носителями которой являются «новые русские», нашему народу в целом чужда. Не испытывая особого страха перед необеспеченным и неблагоустроенным бытием («будет день, будет пища»), он, вместо монетаристского подхода к жизни и ориентации на денежное обустройство, превыше всего ставит в ней заботу не о «теле» (все равно «всех денег не заработаешь», «всех девок не перецелуешь»), а заботу о «душе». Постулируя, что «не хлебом единым жив человек». Что помимо «хлеба», человек нуждается в том, что бы «отстоять душу, освободить ее для жизни ума и чувств».

Купец-миллионер из Нижнего Новгорода Н.А. Бугров как-то сказал М.Горькому удивительные слова, в которых выражается квинтэссенция этой неповторимости русской жизни и русского духа: «Все работают. На кого же? Для чего? Вот что непонятно — на кого работаем? А иной раз вздумаешь, как спичку в темноте зажжешь, — какой все-таки смысл в работе? Ну — я богат. Покорно благодарю! А еще что? И на душе — отвратно...»⁸.

Весной 2003 года в рамках социологического исследования «Жители города о положении работающих женщин и их социальной защищенности в свете нового трудового законодательства», проведенного под

⁸ Независимая газета. 2001. 17 мая.

руководством автора по заказу Комитета по телекоммуникациям и средствам массовой информации г. Москвы, 1213 респондентам (в числе других) был задан вопрос: «Какие жизненные цели и ориентации Вы считаете для себя главными»? Оказалось, что в выстроенной респондентами ценностной иерархии так называемая американская мечта, т.е. рост и накопление богатства поставлена на последнее место (на этот вариант ответа в итоге приходится чуть более 2% от общей суммы определений). Предпочтение отдается не богатству, а материальному достатку, зажиточности и таким, связанным с «душой», ценностям, как любить и быть любимой, рождение и воспитание детей, мир и согласие в семье и др.⁹

Эти результаты лишний раз подтверждают правоту Н.А. Бердяева в том, что «душа русского народа никогда не поклонялась золотому тельцу и, верю, никогда ему не поклонится в последней глубине своей». И хотя «русская душа склонна опускаться в низшие состояния», а русский человек — «грабить и наживаться нечестным путем», при всем этом «он никогда не будет почитать материальные богатства высшей ценностью»¹⁰.

Уместны в этой связи и суждения сподвижника Д.С. Лихачева академика А.М. Панченко, который в интервью «АиФ» высказался по этому поводу вполне определенно: «Материальное для нас — ничто. И поверьте мне, уже внуки этих новых русских бросят все, пропьют или отдадут. Были у нас в истории купцы, но самое главное — почти не было родов купеческих, ну разве один, два, три... Потому, что это не для нас...»¹¹.

⁹ См.: *Муштук О.З.* Жители города о положении работающих женщин и их социальной защищенности в свете нового трудового законодательства. — М.: Пульс. 2004. №5 (289). С. 32-34.

¹⁰ *Бердяев Н.А.* Судьбы России. Опыты по психологии войны и национальности. — М.: «Мысль», 1990. С. 70.

¹¹ Аргументы и факты. 2000. №35.

Противопоставление материального (физического) духовному (метафизическому) в значительной степени объясняется и тем, что в России богатство чаще всего не являлось (а тем более не является сегодня) результатом осмысленного многолетнего упорного и напряженного труда. «В России — писал выдающийся российский мыслитель и публицист В.В. Розанов, — вся собственность выросла из «выпросил», или «подарили», или кого-либо «обобрал». Труды собственного очень мало. От этого она не крепка и не уважается»¹².

Поэтому и кончается эта собственность точно так же, как начинается. Моментально. Как богатство пришло, так оно и ушло. И в этом никто не усматривает трагедии. И волосы на себе не рвет. Наиболее типичная в этом случае реакция истинно русского человека (его жизненная философия) выражается фразеологическими оборотами типа «пропади все пропадом», «гори все синим пламенем» и др.

Автору данных строк врезалось в память интервью одного из крупных московских предпринимателей, прочитанное в журнале «Дарин-экслюзив». Честно признавшись, что успех на него свалился неожиданно (перепродавая пиво, он сумел собрать значительную сумму денег и затем вложил их в водочный бизнес), этот предприниматель внутренне готов к тому, чтобы в один прекрасный момент лишиться всего. По крайней мере, на вопрос, уедет ли он из России, если «восставший пролетариат попытается поделить его богатство», последовал ответ: «Нет, не уеду. Отдам все и даже защищаться не стану».

И когда сегодня некоторые наши «оракулы»-либералы пугают народ возможностью гражданской войны в случае легального пересмотра итогов приватизации, то это просто смешно. Даже если, не доведи, Господь, в России действительно начнут этот процесс, то, смею уверить читателя,

¹² Там же. 2003. №28.

что нажитые «без трудов праведных палаты каменные» никто оборонять не станет. Никакой гражданской войны не будет. Если не все, то абсолютное большинство нуворишей вернут «награбленное», не сопротивляясь.

В том числе и потому, что глубоко в душе (на подсознательном уровне), те, кто в «смутные» 90-е годы нажил крупные состояния, осознают, что их собственного труда, особых личных заслуг в этом очень мало, а то и вовсе нет. Что по большому счету, это свалившееся как снег на голову богатство «халявное». И если оно уйдет точно так же, как и пришло, т. е. мгновенно, то на все, как говорится, «воля Божья».

Хотя нельзя не учесть и того, что, говоря словами главы Всемирного совета бизнеса за устойчивое развитие лорда Ричарда Хоума, «люди, которых называют олигархами, давно уже вывели свои капиталы за рубеж»¹³.

V.

Нельзя не отметить и такой органически присущей трудовой ментальности россиян черты, как **установка на то, что работа должна служить не только источником средств существования, но и быть человеку по душе, что называется, в радость, а не в тягость**. В отличие от западноевропейца или американца, который чаще всего идет на работу за деньгами, с тем чтобы самовыражаться через потребление (для него ценность работы не в ней самой, а в той сумме денег, которую он за нее получает), для большей же части наших людей это не так. Здесь сферой самовыражения является не только (и даже не столько) потребление (хотя это и важно), сколько прежде всего работа — и по отношению к возможности социальной и профессиональной самореализации и самоактуализации в этой

работе возможность приличного заработка, как правило, отступает на второй план.

«Русский (российский) человек, — пишет Валентин Непомящий, — никогда не испытывал особого интереса к работе только ради денег (ради бутылки — бывает), ему интересно что-то сделать, создать, достигнуть, воплотить — тут-то он не прочь и денег побольше получить. Об этом, собственно, и говорил горьковский Сатин: «Мне говорят: работай! Работай!.. А ты сделай так, чтобы работа была мне приятна, и тогда я, может быть, буду работать». Пусть это демагогия, красивые слова — но ведь понимает же красоту «приятной» цели, которая — не в деньгах! Не зря в нашем языке — а язык знает всю правду — «делать дело» и «делать деньги» никогда не были синонимами, как в выражении *«make business»*¹⁴.

В таком же ключе высказывается и уже упоминавшийся Валентин Распутин: «Никогда не соглашусь с тем, что русский человек не умеет работать... Другое дело — русский человек чрезвычайно чувствителен к характеру работы. Ему необходимо воодушевление, азарт, соревновательность, он любит напряжение, трудность и, конечно, смысл. В размеренной, текущей работе он становится вялым, она ему не интересна, не отвечает его порывистой натуре. «Раззудись плечо, размахнись рука» — вот это по нему...»¹⁵.

Отнюдь не бредовым, а вполне закономерным смотрится на этом фоне вывод столичного предпринимателя-производственника Т.Недзвецкой — директора преуспевающего швейного предприятия «Кволл»: **«русским деньги не нужны»**, который она делает на том основании, что «люди от нее уходят на зарплату, гораздо меньшую, чем платит она, лишь бы хорошо устроиться»¹⁶. В данном случае не срабатывает за-

¹³ Независимая газета. 2003. 13 ноября.

¹⁴ Фигуры и лица.//Независимая газета. 2000, 14 декабря.

¹⁵ Аргументы и факты. 1998. № 42.

¹⁶ Мегалополис-Эксперсс. 2002. 30 января.

имствованный у западных менеджеров автократический стиль управления персоналом, использующийся ими в слаборазвитых странах. В рамках этого стиля подчиненные воспринимаются не как дифференцированное множество потенциально творческих личностей, которые, если создать им условия для творчества, способны «гореть» на работе и брать на себя ответственность, а как деперсонифицированная масса посредственностей и «генетических лентяев», которых нужно побуждать к труду «кнутом» и «пряником» (зарплатой и вычетами из нее в виде штрафов за нерадивость).

То есть в отличие от демократического стиля, ставка делается на человеческие потребности не высшего, а низшего уровня — первичные физиологические нужды. «Если я плачу рабочим заработную плату и тем самым обеспечиваю им возможность существования, то они обязаны делать все, что я хочу» — так (или примерно так) рассуждает менеджер-автократ. Считая, что крупный бизнес слишком велик, чтобы позволить себе быть человечным, чтобы создавать всем и каждому атмосферу доброжелательности на работе.

Между тем для русского человека такая атмосфера, а также уважение к нему как к личности, как к работнику-профессионалу, куда важнее установки на «сытое брюхо». Не случайно вопрос «Ты меня уважаешь?» относится в России к числу одного из главных вопросов, который чаще других фигурирует во взаимоотношениях людей друг с другом. И если к рабочему подойдет гендиректор, пожмет руку и скажет: «Молодец, мужик!» — это будет для него гораздо важнее, чем 100 долларов в конверте, если гендиректор уважаем. И если при таком уважительном отношении этот гендиректор в форс-мажорной ситуации призовет рабочего «подналечь», то можно не сомневаться, что тот «подналяжет». Причем «подналяжет» не за страх, а за совесть.

Что же касается разного рода «репрессалий» (рабочий покурил, опоздал, допу-

стил брак и т. д. — а ему за это штраф), то они в целом, как признает та же Т. Недзвецкая, не дают положительного эффекта, и, воспринимаясь как посягательство на личное достоинство и свободу. И ничего, кроме как протеста и желания «опустить кирпич на голову», не вызывают. Ну а если при всей этой жесткости и подавлении личного начала еще и зарплата «не очень», то тут вступает в силу неписанное правило: «как нам платят, так мы и работаем». «Да чтоб за такие деньги выкладываться! Ну, уж нет. Поищите дураков в другом месте».

VI.

«Мы удивляемся, что у нас нет предприимчивых людей, но кто же решится на какое-нибудь предприятие, когда не видит ни в чем прочного ручательства, когда знает, что не сегодня, так завтра по распоряжению правительства его законно ограбят и пустят по миру. Можно принять меры против голода, наводнения, против огня, моровой язвы, против всяких бичей земных и небесных, но против благодетельных распоряжений правительства — решительно нельзя принять никаких мер». Эти слова принадлежат человеку, которого называли «русским Вашингтоном» — члену Государственного совета, графу Н. С. Мордвинову (1754-1845).

С тех пор в России мало что изменилось. В том числе в России нынешней постсоциалистической. И взаимоотношения между государством и бизнесом (кстати, легализованным в стране по инициативе реформистки настроенной части советской правящей элиты) пока что весьма далеки от того, чтобы характеризовать их как отношения взаимозависимых и равно ответственных социальных партнеров. Вместо них процветают отношения, напоминающие отношения между «грабителем и жертвой». На бизнес смотрят исключительно как на «дойную корову», т. е. как на источник, из которого можно и должно выкачать

как можно больше ресурсов. И при этом мало заботятся о том, чтобы создавать для него нормальные условия жизнедеятельности, обеспечивать минимально необходимую функциональную свободу.

Такая ситуация — прямой результат того, что российское государство как властный институт, обладающий монополией на принуждение, являет собой не «государство-нацию», т.е. не институт, отождествляющий себя с обществом как единым целым и всецело стоящий у него на службе и им же контролируемый. И не как институт, олицетворяющий собой всего лишь «благородное дитя специальных интересов» и «ему не позволительно иметь интересы собственные» — такие, которые выходили бы за рамки функционального предназначения государства как уполномоченного социумом верховного арбитра и менеджера-управляющего общественными делами.

Российское государство, в котором власть всегда забывала и забывает, что она не первична, а вторична по отношению к социуму, — это «государство-бюрократия». Институт, который «приватизирован» особым сословием государственных чиновников в качестве «вещи для себя», а не «для всех», а посему подчиняющий себе общество в роли Левиафана — всепоглощающего и «всепожирающего» чиновничьего монстра.

В своей основной массе резко возросшая армия российского чиновничества (по некоторым данным, ее численность по отношению к 1990 году чуть ли не в 1,5 раза превысила численность всего бюрократического аппарата СССР и на каждую тысячу населения в России сегодня приходится 9 больших и малых «начальников») не против рынка. Но рынка не «европейского» с безусловным господством частной собственности и реальной свободой частного предпринимательства, которые максимально рационализируют и «одомашнивают» бюрократию, вымывая в структуре государственного управления все лишние звенья.

Речь идет о рынке «азиатском» (своего рода азиатском способе производства), но обрамленном в «либерально-радикальные лексические одежды» (под выстроенной наспех демократической «крышей»), в котором свобода частной собственности и частного предпринимательства только декларируется Конституцией РФ. Тогда как де-факто носит усеченно-деформированный характер. Никак не гарантируется и не поддерживается государством.

Связано это в решающей степени с тем, что в рамках такого «рынка» в роли системообразующего ядра внедряемых им общественных отношений выступает курс на закрепление и охранение многочисленного сословия бюрократии не в качестве зависимой от социума «служивой» страты, а в качестве самодостаточной всевластной силы, единственно правомочной «распределяющей» и «разрешающей» инстанции, а также интерпретирующей закон, для которой государственная служба перестает быть «службой Царю и Отечеству» и превращается в службу для себя и своих близких. Принимает характер высокодоходного бизнеса (большого или малого — в зависимости от «табели о рангах»), основанного на нелегитимном праве взимания статусной ренты как основного средства преодоления создаваемых каждым уровнем власти на пути предпринимательской активности многочисленных административных барьеров.

Очевидно, что такого рода ситуация односторонней тотальной зависимости бизнеса от этого «государства-бюрократии» и устанавливаемых им «рэкетирских» правил игры исключает какое бы то ни было дистанцирование бизнеса от политики и настоятельно требует его активного участия в этой сфере. С тем чтобы, «конвертировав» сконцентрированные в его среде значительные материальные и финансовые ресурсы в ресурсы политического давления на государство, добиться того, что на Западе назвали процессом «одомашнивания клерка». То есть превратить государство и

его разветвленный бюрократический аппарат из силы, стоящей над бизнесом и командующей бизнесом, в силу для него сугубо конструктивную. Институт, который, образно говоря, «не ставит бизнесу палки в колеса», а позитивно стимулирует и охраняет, обеспечивает благоприятную для ведения дел общественно-политическую среду, юридически-правовые гарантии и т. д.

VII.

Для высвобождения заложенной в нашем народе огромной работоспособности требуется также установления отношений социального партнерства между трудом и капиталом. Хотелось бы в этой связи обратить внимание, что данная проблематика никак не освещается в отечественных СМИ. Даже в такой специализированной газете, как «Труд», серьезной аналитики по состоянию наемно-трудовых отношений в частном секторе (впрочем, как и в государственном тоже), что называется «днем с огнем не сыщешь».

В результате этого информационного вакуума и медийной политики «по умолчанию» создается впечатление, что развитие капитализма в России как бы идет без использования наемной рабочей силы. Капитал есть, а наемного работника почему-то нет. Он куда-то исчез, будто за «шкаф завалился». Или «пал в изнурительных боях за демократию». И в этом что-то есть от «сермяжной» правды, если учесть, что нынешние отечественные реалии в сфере взаимоотношений труда и капитала, как небо от земли, далеки от тех, которые характерны для развитого социально ориентированного рынка. Прежде всего потому, что российские предприниматели-работодатели, не наступив пока на грабли классовой ненависти и борьбы, в массе своей воспринимают работающих не как наемных работников при капитализме, которые имеют гарантированные государством права на достойные условия тру-

да и зарплату, соответствующую реальной стоимости рабочей силы. А как, в лучшем случае, закрепощенных «вассалов», чьи права сводятся к необходимости безропотно подчиняться «сюзерену» и во всем следовать самочинно установленным им правилам «феодальной монархии» (в миниатюре). Не покладая рук работать, работать и еще раз работать без каких-либо гарантий того, что в один прекрасный момент тебя «не облапошат» и не «выставят за дверь».

Не секрет, что наряду с «грошовой» зарплатой (а то, что она действительно такова говорит хотя бы тот, неизменно изумляющий западноевропейцев, факт, что подавляющее большинство «новых бедных» в России — не безработные и не бомжи, а люди с образованием и постоянным местом работы), предприниматели широко прибегают к еще одному «фортелю». А именно: постоянным задержкам с выплатой (или выплатой в усеченном размере) того, что человек заработал. Согласно данным Роскомстата, на 1 февраля 2005 г. общий объем невыплаченных денег составил по стране 14,3 млрд рублей, или 5 % месячного фонда зарплаты всех работающих россиян. Число тех из них, которые остались без заработанных денег, превысило 2,4 млн человек (практически каждый 13-й работник). При этом основной объем долгов приходится не на бюджетный, а как раз на частный сектор, в котором работодатели нередко вообще «кидают» работающих. То есть отказываются платить заработанное (особенно если работник — на «птичьих правах» мигрант из СНГ).

Серьезные проблемы в сфере наемно-трудовых отношений связаны также с весьма «фривольным» отношением работодателей и к другим правам, и социальным гарантиям работающих, закрепленным в Трудовом кодексе РФ. Согласно официальным данным, в 2002 году только органами Федеральной трудовой инспекции в ходе проверок было выявлено более 2,1 млн различных нарушений в этой области. При этом льви-

ная доля этих нарушений — 1,5 млн, или 71,4%, пришлось на нарушения, связанные с охраной труда и техникой безопасности. Что лишний раз подтверждает поистине «кощееву» жадность (алчность) предпринимателей в той части организации своего дела, которая касается издержек найма и использования рабочей силы.

В этом свете очевидно, что обеспечение надлежащих условий и охраны труда, а также достойных заработков работающих по найму — это вопрос не только юридической, но и социальной ответственности предпринимателей. Ответственности, которая осознается ими не сразу и к которой они приходят не только (и даже не столько) по «доброй воле», сколько по «принуждению». Под давлением организованных в профсоюзы наемных работников и служащих, с одной стороны, и государства — с другой. Но в силу того, что первый фактор у нас практически не действует (в частном секторе профсоюзов просто нет), ключевая роль в этом давлении должна принадлежать государству. И частный предприниматель должен быть интересен властям не только как производитель общественно потребляемых товаров и услуг. И не только как законопослушный налогоплательщик. Но и как работодатель, для которого в этой «ипостаси» закон тоже писан, но не им самим, а государством. И никакой свободы (при всех имеющихся у предпринимателя правах и свободах) от этого закона у него нет и быть не должно.

Сегодня в России лихорадочно ищут национальную идею. Хотя она, как представляется, открыто лежит на поверхности — необходимо сделать все для того, чтобы быть умным, образованным, умелым и порядочным было выгодно не только в высоком (нравственном), но и в самом, что ни есть утилитарном (материально-денежном) смысле. И если мы говорим о будущем России как великой и процветающей державы, то оно (это будущее) может быть создано только трудом, умом, энергией именно таких людей — ориентированных на созидание и творческую самореализацию в самых различных сферах общественной жизни — от экономики до политики.

Литература

1. *Блинов А.О.* Малое предпринимательство. Организационные и правовые основы деятельности. — 2-е изд. — М.: Ось-89, 1998.
2. *Ключевский В.О.* Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. — М.: Мысль, 1993.
3. *Дилигенский Г.Г.* Индивидуализм старый и новый. (Личность в постсоветском социуме)//ПОЛИС. 1999, №3.
4. *Витте С.Ю.* Воспомятая. Царствование Николая II. Т. 1. 1992. Берлин.
5. *Муштук О.З.* Жители города о положении работающих женщин и их социальной защищенности в свете нового трудового законодательства. — М.: Пульс. 2004. №5 (289).

Статья поступила в редакцию 25.09.2007

O. Mushtuk, Professor,

Head of the Chair of Political Studies, Moscow University of Industry and Finance

RUSSIAN PEOPLES' ATTITUDES TOWARDS THE LABOR AND THE BUSINESSES AND THEIR PLACE IN THE GENERAL ATTITUDINAL PATTERN

Russian people today are searching for some kind of a «national idea». According to the author, the idea is clear. It is necessary to do one's best to make people perceive that such qualities as intelligence, educatedness, professionalism and respectability are good in all the senses of the words, including the material aspects of it.

Western and Russian analysts who have analyzed the Russians' attitude towards the labor and business activity, say that among the most conspicuous features are the lack of the business orientation and the lack of a feeling that labor is a source of wellness and prosperity.